

«Круглый стол»

**Языковой фактор в образовательной политике
Российской империи и Советского Союза:
середина XIX – середина XX вв.**

(Институт славяноведения РАН, 26 мая 2020 г.)

Тезисы докладов

М.В. Лескинен (Москва)

Преподавание на родном наречии как педагогический принцип пореформенной начальной крестьянской школы (1860–1880) и вопрос о малорусском языке обучения

Вопрос об использовании родного языка («местного наречия») в начальном школьном образовании Юго-Западного края Российской империи в пореформенный период напрямую связан с проблемой статуса малороссийского языка (наречия) и с историей борьбы имперских властей с так наз. «украинофильством» в 1860-е – 1870-е гг. Не останавливаясь на событийном, идеологическом и историографическом аспектах указанного периода противодействия имперских властей украинскому национальному движению, а рассмотрим роли малороссийского наречия / языка в пореформенном народном начальном образовании на территории Юго-Западного края в связи с педагогическими концепциями и учебными задачами этого периода и в контексте формирования нации с сопутствующей ей выработкой концепции «русскости». В центре внимания – аргументация двух сторон: сторонников использования малорусского наречия в начальных училищах (Ушинский, Корф, Водовозов, Драгоманов, Ефименко) и противников его (Катков, Иванов, Богатинов и др.).

Анализ общественного (образовательные теории, задачи школьного дела и практика обучения), а не политического конфликта,

актуализировавшего вопрос о малороссийском как языке преподавания, показывает, что позиция «украинофилов» не отличалась от взглядов российской педагогической элиты.

Таким образом, проблему языковой политики в начальной школе необходимо рассматривать в более широком, чем принято, историческом контексте, ведь научить крестьянина-великоруса «быть русским» – такая задача (разумеется, иначе сформулированная), была остро актуальной в период нацистроительства, и ее реализация была напрямую связана с образованием. Но, полемизируя со сторонниками национальных движений, власть отказывалась признавать ее, будучи убеждена в «изначальном» единстве русского народа и его априорной «русскости».

И.О Гапоненко (Минск)

Социальный и языковой аспекты национального образования в XIX – начале XX вв. в белорусских губерниях

В докладе рассмотрены факторы становления, а также общественно-исторические и языковые аспекты функционирования системы образования на белорусских землях XIX – начала XX века. Особое внимание уделено характеристике возможностей национального образования, развитие которого является одним из важнейших условий национально-этнической консолидации. Проанализирована созависимость особенностей белорусского национального образования со следующими историческими фактами и компонентами общественной структуры: а) уровень национального самосознания элитарных групп на Беларуси которые в рассматриваемый период не имели выраженной национальной ориентации; б) принципы языковой политики российских властей, неблагоприятствующие формированию языкового своеобразия народов на окраинах империи; в) реальная языковая ситуация на белорусских территориях, а именно широкая

распространенность белорусского языка (в его диалектном варианте) в крестьянской и мещанской среде и достаточно высокий уровень владения белорусским языком представителями шляхетских кругов; г) специфика белорусского книгопечатания, которое в результате недостаточной развитости не смогло стать стимулом национального образования; д) специфика культурной и религиозной сфер, в которых национальная самобытность не являлась приоритетной. В заключении сделан вывод, что на белорусских территориях XIX – начала XX века образование в целом находилось в неудовлетворительном состоянии, а национальное образование существовало в лучшем случае в зачаточных формах.

Н.Ф. Мысак (Львов)

Украинский язык в образовательной системе Габсбургской Галичины (вторая половина XIX – начало XX века)

Проблема образовательных возможностей и всесторонней реализации прав на обучение на родном языке крайне важна в полиэтничном и многоязычном социокультурном пространстве. Особенно это касалось и касается Галичины, которая в силу исторических обстоятельств, была территорией компактного проживания различных народов и этнических групп. В конце XIX – начале XX в. сфера образования стала ареной борьбы за национальные права украинцев и поляков, а языковой вопрос – одним из катализаторов социального напряжения в крае.

Конституция, принятая в Австро-Венгрии в 1867 г., гарантировала равноправие всех народов империи, в том числе и в вопросе образования. Однако полностью реализовать эти гарантии в Галичине так и не удалось. Расширение автономии края привело к тому, что 22 июня 1867 г. был принят закон «О языке преподавания в народных и средних школах Королевства Галичины и Лодомерии с Великим княжеством Краковским» [т. н. «языковой

закон» – *Н.М.*], который определял совсем другие принципы языковой политики в среднем образовании. Формально он был направлен на расширение языковых возможностей украинцев и поляков как самых многочисленных народностей края. Однако полякам, благодаря более благоприятной для них политической конъюнктуре в Вене, удалось лучше воспользоваться своими правами в области среднего образования. В «языковом законе» равноправие народов и этнических групп было только декларативным.

Практическая реализация прав украинцев на образование на родном языке в Галичине на протяжении 1867–1918 гг. хотя и осуществлялась в правовом поле, однако натолкнулась на активное противодействие польской администрации края. Прежде всего, это касалось главной институции, которая занималась делами начальной и средней школы – Краевой школьной Рады (Краевого школьного совета, далее КШР). Украинская общественность, особенно греко-католическое духовенство, очень негативно оценивали создание Рады, ведь соблюдение хоть какого-то паритета представительства в этом органе даже не предполагалось. С начала создания совета интересы украинцев в ней представлял только греко-католический священник Василий Ильницький. Лишь в 1893 г. в ее состав вошел украинский политик Александр Барвинский. В последующие годы украинцы в КШР составили 1/5 всех членов (4 из 20). В начале XX в. это соотношение не изменилось: количество украинцев выросло до 6 человек, зато поляков – с 20 до 28.

Призванная реформировать систему образования в крае, КШР скорее пыталась законсервировать и завуалировать реальные проблемы, чем их решать. Она превратилась в действенный инструмент бюрократизации школ и воплощение этноцентричной политики польской администрации края. Либерализация школы, соблюдение принципов народности в воспитательном процессе, образовательная автономия Галичины в целом, которую КШР призвана была воплотить на практике, так и остались бутафорией. А сама институция стала активным промотором пропольской политики.

В целом, в конце XIX – начале XX вв. в Галичине, несмотря на конституционные реформы, расширение автономии на местах, рост социального престижа высшего образования, расширение сети средних и высших школ, украинцы так и не смогли полностью реализовать свои языковые права и возможности в области образования. Несмотря на законодательное декларирование равенства всех народов, на практике наблюдалось игнорирование, а порой и откровенная дискриминация украинского населения края, нивелирование их конституционного права обучаться на родном языке. По сути, школа в Галичине превратилась в очаг образования численно доминантного народа в края – поляков.

О.И. Ершова (Минск)

Языковой вопрос и реформа начального образования в Виленском учебном округе, 1860-е гг.

В состав Виленского учебного округа во второй половине XIX в. входили шесть губерний Российской империи: Виленская, Ковенская, Минская, Гродненская, Могилёвская и Витебская. Население этих губерний было полиэтничным и поликонфессиональным. Употребление того или иного языка (еврейского, литовского, белорусского) зависело от конфессионального и социального статуса личности. В пяти из этих губерний (исключая Ковенскую) большинство населения составляли белорусы. Главным конфликтом в тогдашней языковой ситуации было противостояние русского и польского языков, что оказало влияние на положение языка коренного этноса – белорусов и других этнических общностей. Решение проблемы языка обучения в начальной школе в XIX в. осуществлялось в контексте противоречивых экономических, социальных, политических и культурных условий развития белорусского этноса. В белорусско-литовских губерниях в середине XIX в. сильные позиции – как в общественной жизни,

так и в образовательной сфере – сохранял польский язык. Во второй половине XIX в. усиливается политика обрусения. Согласно официальной доктрине, белорусов считали частью великорусского народа, а белорусский язык – диалектом русского языка. Школа стала главным политическим орудием в борьбе с польской культурой, а выбор языка обучения определялся целями образовательной политики правительства в Виленском учебном округе. Российское правительство провело здесь реформу начального образования, сделав ставку на школу правительственную, изолированную от влияния местного образованного общества, с русским языком обучения.

Н.М. Колб (Львов)

Уроки греко-католической религии в системе начальной и средней школы Восточной Галичины (вторая половина XIX – начало XX вв.): законодательство, учебные планы, реалии

Важным элементом национального образования украинской молодежи в школах были уроки религии. В результате длительного процесса полонизации, который коснулся, прежде всего, высших слоев общества, главным критерием идентификации национальной принадлежности стали Церковь и обряд. Изучение религии в школах и проблема национального образования молодежи в целом неизменно находились в поле пристального внимания и самой Греко-католической церкви.

Школьное законодательство Австро-Венгерской империи видело в морально-религиозном воспитании молодежи главную задачу школьного образования и включало уроки религии в обязательную учебную программу. В то же время влияние Церкви на школу было сведено к минимуму и фактически ограничивалось уроками закона Божьего. Религиозное образование украинцев Галичины развивалось в русле общегосударственных законодательных норм и предписаний краевой школьной власти. Греко-

католическая церковь составляла план обучения закону Божьему, назначала учителей, рекомендовала учебники по этому предмету, украинские священники были представлены в краевых школьных структурах всех уровней. Церковь имела свои органы надзора за преподаванием религии в школах, однако в высшей инстанции все аспекты религиозного обучения в школе все же подчинялись школьной власти. Такое положение вещей вызвало сопротивление как австрийского католического епископата, так и греко-католических духовенства. Греко-католическая церковь подчеркивала опасность межконфессионального принципа формирования школ и требовала введения государственных конфессиональных школ. Тем временем усиление в государстве либеральных политических сил, которые выдвигали лозунги полного освобождения школы из-под любого вероисповедного влияния, побудили Греко-католическую церковь с особой скрупулезностью подойти к преподаванию уроков религии, заботясь о повышении уровня преподавания, компетентности и ответственном отношении священников к этому предмету. В этом же направлении начали действовать и украинские катехизаторы. В то же время греко-католический клир в Галичине уделял большое внимание противостоянию ассимиляционной политике польской власти в сфере образования.

М.Э. Клопова (Москва)

«Родной язык в народной школе». Дискуссия о возможности обучения на украинском и белорусском языках в начальной школе 1907–1914 гг.

Вопрос о преподавании украинского языка в школах Малороссии на протяжении нескольких десятилетий оставался как одним из самых значимых, так одним из самых сложных для участников украинского движения. Возможности преподавания на украинском языке в школе стала предметом дебатов на заседаниях III, а затем IV Государственной Думы в

ходе обсуждения преобразований в области народного просвещения. Предлагаемая правительством и Министерством просвещения программа введения в Российской империи всеобщего начального образования вызвала горячие дебаты в Думе. Законопроект, в частности, затрагивал и такой сложный и болезненный вопрос, как преподавание национальных языков в начальной школе. Некоторые фракции Государственной думы вынесли на обсуждение ряд поправок по этому вопросу. Общий их смысл сводился к тому, что в ряде губерний, где значительная часть населения не принадлежит к великорусскому народу, допустимо преподавание в течении определенного периода на «материнском языке».

О необходимости допустить преподавание на украинском (малороссийском), а также белорусском языках выступил представитель фракции Народной свободы профессор Киевского университета И. Лучицкий. Основными его аргументами в пользу такого решения были низкий уровень грамотности в малороссийских губерниях в сравнении с великорусскими и относительно низкая эффективность самого преподавания в начальной школе исключительно на великорусском языке. Также идею преподавания на малорусском и белорусском языках поддержали представитель Трудовой фракции Булат и ряд других депутатов.

Эти предложения вызвали бурные дебаты в Думе. Основным аргументом противников поправки Лучицкого была «искусственность» украинского языка, предлагаемого к преподаванию. Также часто говорилось с трибун Думы и о «польской» или «австрийской» интриге, что в целом соответствовало общему восприятию консервативными кругами Российской империи украинского движения.

12 ноября 1910 г. при обсуждении поправок председательствующий приступил к голосованию, в том числе и по поправке Лучицкого о том, чтобы в законопроект при перечислении языков, на которых может вестись преподавание, после грузинского языка были упомянуты украинский и белорусский. Предложение было отклонено. Таким образом, в законопроект,

принятый Государственной Думой 3 мая 1911 г., поправка о допустимости преподавания в начальной школе на украинском языке не вошла. Стоит отметить, что и сам законопроект не получил одобрения Государственного Совета, и вопрос о введении всеобщего начального образования был отложен на неопределенный срок.

И.И. Баринов (Москва)

Белорусский язык в образовательных инициативах германской администрации на оккупированной территории Белоруссии, 1916–1918.

В ходе Первой мировой войны кайзеровские войска заняли обширные территории западной окраины Российской империи. Там они впервые столкнулись с рядом локальных сообществ, о которых до этого не имели никакого представления, в том числе с белорусами. Обобщением сведений о регионе занимались призванные в армию интеллектуалы. Именно они распространили на оккупированные районы позитивистский дискурс, характерный для германского научного мышления той поры. В рамках этого подхода любая территория вместе с проживавшим на ней населением могла быть классифицирована и встроена в общую систему представлений. Тем не менее, из-за нехватки знаний о регионе и отсутствия традиции его осмысления германским властям пришлось действовать методом проб и ошибок, сочетая разрозненные источники информации с собственным опытом. Помимо этого, решение внутренних проблем находилось под постоянным давлением текущих военно-стратегических задач.

Организации образования на белорусском языке способствовало нескольких факторов. С одной стороны, выстраивание оккупационной бюрократической вертикали имело тотальный характер и охватывало все этнические сообщества, оказавшиеся на подконтрольной территории. В этой связи «обнаруженным» немцами белорусам, как и любому другому сообществу, полагались своя школа. Кроме того, здесь была велика роль

интеллектуалов, с энтузиазмом изучавших ранее неизвестную культуру для её дальнейшего встраивания в негласную этническую иерархию. Наконец, здесь можно говорить о своеобразном сотрудничестве германской стороны с активистами белорусского национального движения, оказавшимися на оккупированной территории. Пользуясь сложившимися условиями, они фактически «обкатывали» в школе нормы будущего литературного белорусского языка, одновременно пытаясь развивать национальную культуру.

Результаты названного процесса были далеко не однозначными. Политика разграничения школьников по языкам в сложном пограничном регионе быстро дала сбой из-за невозможности чёткого закрепления за каждым повседневного языка. Кроме того, белорусская школа была таковой только по названию – из-за «неразвитости» белорусского языка учить сперва приходилось по-русски. С другой стороны, изучение белорусов способствовало их появлению на немецкой «ментальной карте». Для белорусских интеллектуалов, в свою очередь, во время оккупации впервые появилась возможность апробировать соответствующие образовательные программы в реальных условиях. В 1920-е гг. этот опыт был применён уже в ходе «белорусизации».

Ю.А. Лабынцев (Москва)

«Освободиться от пут русского и польского письма»: бреславльское учебное пособие для белорусов по родному языку 1918 г.

В ходе Первой мировой войны на занятой Германией западной части Российской империи было создано военное квазигосударственное образование в виде особой оккупационной зоны, получившей наименование «Das Land Ober Ost» («Край Обер Ост»), насчитывавшей около 3 млн человек и просуществовавшей 3 года, начиная с осени 1915 г. В этом

многонациональном территориальном образовании германские военные власти, поставив под свой жесткий контроль всякую общественную деятельность, организовывали и школьное дело, в том числе для белорусов.

Отсутствие тогда специальной учебной литературы для белорусской национальной школы, прежде всего по белорусскому языку, инспирировало ряд попыток заполнить эту почти абсолютную лакуну. Один из подобных опытов принадлежал профессору Бреславльского университета пастору Рудольфу Абихту (1850–1921) и молодому общественному деятелю Янке Станкевичу (1891–1976), подготовившего и издавшего в 1918 г. в Бреславле (Вроцлаве) небольшой по объему учебник «Prosty sposab stacca u karotkim case hramatnym».

Учебник этот, предлагавший использовать свой собственный, разработанный его авторами, азбучный ряд из 45 знаков латиницы, составлен был прежде всего с ориентацией на белорусов-католиков, которые уже давно и к тому времени активно пользовались польским ее вариантом. Позиция авторов учебника и прежде всего Рудольфа Абихта – «освободиться от пут польского и русского письма» – вполне соответствовала видам военного руководства Обер Ост по использованию белорусами именно латиницы.

Л.Л. Щавинская (Москва)

Московский курс белорусского языка 1918 г.

1 января 1918 г. выходит декрет Совета народных комиссаров РСФСР, который провозгласил создание при Народном комиссариате по делам национальностей комиссариата по делам белорусов. Основными задачами деятельности Белнацкома стали «агитационно-организационная» и «культурно-просветительная» работа. Для их реализации сотрудники культурно-просветительского отдела Белнацкома во главе с Ф.Ф. Туруком выдвинули идею организации в Москве Белорусского народного университета (БНУ) с привлечением ведущих российских ученых.

Слушателями этого университета, по замыслу его основателей, должны были стать народные учителя. Для этих учителей Белнацком планировал организацию во время летних каникул специальных курсов.

Эти курсы начали свою работу в Москве 11 июля 1918 г., на них в качестве лекторов выступило 16 профессоров, приват-доцентов и ассистентов. Число записавшихся слушателей составляло 109 человек, из которых постоянно посещало лекции около 60. Все лекции читались на русском языке и только один из руководителей Белнацкома и редактор его печатного органа газеты «Дзяніца», известный белорусский писатель Д.Ф. Жилунович (псевдоним Тишка Гартный), сделал свой обзор «Беларуская літэратура» на белорусском. Итоговые материалы прочитанных лекций были затем опубликованы в «Курсе белоруссоведения», но, как отмечено в его предисловии, часть лекций ввиду тяжелых событий той эпохи по независящим от редакции причинам в этот сборник не вошли.

На этих курсах лекции о белорусском языке были прочитаны приват-доцентом П.А. Расторгуевым, русским и белорусским филологом-славистом, учеником А.А. Шахматова, одним из первых исследователей белорусских диалектов. По итоговым материалам, опубликованным в «Курсе белоруссоведения», видно, насколько тщательно и с учетом возможного уровня слушателей готовил их автор. Эти лекции представляют собой прекрасный, объемный, хорошо структурированный языковой учебный курс, настоящий комpendиум своего времени по белорусскому языку, к тому же очень внимательно вычитанный автором. Эти лекции носили достаточно «элементарный характер, чтобы быть доступными всякому белорусу, интересующемуся своим родным языком».

Позднее изданный в Москве лекционный «Курс белоруссоведения» стал своего рода первой научно-популярной энциклопедией по белоруссоведению, которой, судя по сохранившимся экземплярам, еще многие годы спустя пользовались. Он служил даже учебным пособием для

студентов Белорусского государственного университета в Минске, по крайней мере в первые годы его существования.

Е.Г. Дашкевич (Минск)

Особенности польской политики в сфере образования на территории Беларуси в период польско-советской войны (1919–1921 гг.)

Политика польского правительства в области образования на оккупированной территории Беларуси соответствовала главной задаче внешнеполитического курса – восстановлению Польского государства в границах 1772 г. При его проведении руководящие круги должны были учитывать ряд внешних и внутренних факторов: изменение военно-оперативного положения, позицию стран Антанты и США, деятельность различных национальных общественно-политических сил. Это обусловило сосуществование двух политических линий (федерализма и инкорпорации), что привело к двойственному характеру польской политики.

Формирование системы польских органов управления в сфере образования на оккупированной белорусской территории имело ряд особенностей, которые обеспечивали проведение политики, направленной на постепенное включение этих земель в состав Польши. В Генеральном комиссариате была создана секция просвещения и общественной опеки, которая координировала деятельность окружных и уездных (поветовых) органов управления образованием. Ответственным за реализацию образовательной политики перед Ю. Пилсудским был Генеральный комиссар Восточных земель Ежи Осмоловский.

Аппарат управления образованием находился в служебном подчинении и финансово зависел от Генерального комиссариата: у секции просвещения не было собственного денежного фонда и отдельного периодического органа. Руководитель данной секции не мог самостоятельно издавать официальные распоряжения и принимать окончательные решения по кадровым вопросам.

В окружных и уездных комиссариатах были созданы школьные инспектораты. Основными обязанностями школьных инспекторов были организация школ всех типов (общих, средних, профессиональных) независимо от языка обучения и контроль за их деятельностью (школьные проверки, документация, разработка учебных программ и руководящих принципов). Из-за особенностей территориального деления (большие площади уездов и удаленность населенных пунктов) и отсутствия транспортных средств было практически невозможно установить централизованный контроль над деятельностью органов управления образованием со стороны секции просвещения и общественной опеки. Работа уездных школьных инспекторов контролировалась администрацией уездов (старостами).

Политика органов образования на оккупированной территории не была четко определена. Она формировалась под влиянием различных общественно-политических и педагогических взглядов в условиях отсутствия единой системы образования в Польском государстве. В приоритетах образовательной политики было: увеличение числа польских средних школ путем реорганизации других национальных школ; создание сети польских государственных средних школ с учебными планами, разработанными Министерством вероисповеданий и общественного просвещения Польского государства; подготовка учителей для белорусских земель на педагогических курсах, организованных в Польше; создание государственных учительских семинарий по польской модели; финансовая поддержка профессиональных школ и курсов.

Военно-политическая обстановка летом и осенью 1920 г. существенно повлияла на усиление тенденций полонизации в сфере образования. Во время эвакуации все предыдущие указы и распоряжения органов образования были отменены. До октября 1920 г. органы управления в сфере образования на вновь оккупированной территории подчинялись Департаменту просвещения Управления прифронтовых и этапных территорий, деятельность которого

контролировало Министерство внутренних дел Польского государства. Департамент образования принял Указ «О языке» от 28 октября 1920 г., целью которого было постепенное вытеснение белорусского языка из местного использования, в том числе в сфере школьного образования.

После заключения прелиминарных условий мирного договора между Польшей и Советской Россией (12 октября 1920 г.) аппарат управления образованием был передан в подчинение Министерству вероисповеданий и общественного просвещения Польского государства. С тех пор зависимость органов управления образованием от местной гражданской администрации была официально отменена. Включение Западной Беларуси в состав Польши (18 марта 1921 г.) усилило ассимиляционную направленность образовательной политики. В результате запрета на школьное самоуправление уездные и гминные попечительские советы (рады) были лишены права материально обеспечивать школы. В уездах началось закрытие всех не польских школ, которые не получали государственной помощи.

Е.Ю. Борисенок (Москва)

Языковая политика в сфере школьного образования в УССР в период коренизации (1920–1930-е гг.)

Несмотря на регулярное появление интересных работ по национальной и культурной ситуации в межвоенной УССР, языковая сторона советской образовательной системы изучена пока недостаточно, и проблема остается актуальной для современной историографии. Советская политика в области просвещения была обусловлена признанием большевиками равенства наций и основывалась на принципе языкового плюрализма. Отдавая отчет в том, что именно язык и школа являются мощными факторами воздействия на общественное сознание, большевистское руководство объявило о преодолении «наследия царского режима» в Стране Советов и развернуло

широкую культурную и образовательную протекционистскую программу для ранее угнетенных народов, ставшую важнейшей составляющей государственной политики коренизации. В данном плане опыт Советской Украины предлагает важный материал для наблюдений и выводов об особенностях советской языкового и образовательного курса: в этой республике достоинства и противоречия большевистской коренизации проявились со всей отчетливостью.

Объявив о необходимости бороться с ассимиляционным наследием царского правительства, власти УССР добивались создания такой школьной сети, которая соответствовала бы национальному составу населения республики. При этом основные усилия были направлены на повышение статуса украинского языка и введение его в образовательную систему, при одновременном сужении количества школ с обучением на русском языке. Такая политика должна была ориентировать население на овладение украинским языком, который определялся как язык подавляющего числа населения республики и избирался «в качестве преимущественного для официальных сношений».

В то же время потребность населения всего союзного государства во взаимопонимании неизбежно приводила к необходимости преподавания русского языка во всех школах – как украинских, так и национальных меньшинств. Развитие экономических связей и повышение социальной мобильности населения на фоне централизации и унификации 1930-х гг. сопровождалось систематизацией образовательной сферы и увеличением количества часов на преподавание русского языка во всех школах страны. Однако большевистское руководство не спешило отменять правило обучения на родном языке – отказ от него допускался только для «неблагонадежных» национальных меньшинств, среди которых на Украине оказались, прежде всего, поляки и немцы. Принципиальные изменения в языковом подходе к школьному образованию произошли только в связи с предпринятой в 1958 г.

реформой, в результате которой положение о свободном выборе языка обучения в школах было закреплено в законах союзных республик.

О.А. Остапчук (Москва)

Методика и практика преподавания украинского языка в 1920-е гг.: школа, самообразование, вуз

Введение украинского языка после 1919 г. в систему образования на Советской Украине привлекло внимание ведущих ученых и популяризаторов науки к проблеме его преподавания. Насущным требованием дня стало создание учебников, призванных обеспечить потребности зарождающейся национальной школы. Необходимость преподавания украинского языка не только детям, но также и взрослым, в том числе в рамках программы по ликвидации неграмотности в принципиально новых социально-политических условиях создало потребность обновления методических принципов подготовки учебников и пособий.

Количество популярных учебных грамматических изданий доходит к 1920 г., по некоторым данным, до 60. Значительную их часть составляют учебники, изданные на русском языке и основанные на сопоставительном принципе. Так, авторы пособий, адресованных взрослой аудитории (в том числе, учителям), справедливо полагали, что их потенциальные читатели не изучали систематически украинский язык, зато освоили необходимый грамматический минимум по-русски.

В то же время издательская активность явно не могла обеспечить в полной мере постоянно растущие потребности школы. Как показывают архивные материалы (в частности, с территории Центральной Украины), жалобы на отсутствие учебников, особенно в сельских школах, были частью ежедневной повестки дня Отделов народного образования.

Анализ общей ситуации в украинских школах (начальных и средних прежде всего), отчасти также курсах украинизации с точки зрения

обеспеченности учебниками и учителями, а также методического уровня пособий приводит нас к неутешительному выводу о том, что на начальном этапе внедрение украинского языка в школы носило нередко фрагментарный характер. Дальнейшего совершенствования требовали как методические принципы преподавания, так и принципы кодификации литературного языка, ставшего предметом и объектом школьного образования, ставшего предметом и объектом школьного образования. Доклад основан на материале наиболее известных учебников и пособий, а также рецензий на них в прессе того времени. Особое внимание уделяется целевой аудитории учебников.

К.С. Дроздов (Москва)

Белорусизация школьного образования в РСФСР в 1920-е – 1930-е гг.: цели, методы, результаты

В ходе разрешения вопроса об укрупнении территории Советской Белоруссии, о возвращении восточно-белорусских земель в состав БССР в 1923–1926 гг., обозначилась необходимость проведения белорусизации в приграничных с БССР районах Витебской, Гомельской, Смоленской и Брянской губерний РСФСР, в которых проживало белорусское население. Прежде всего, речь шла о переводе обучения в школах на родной белорусский язык, об изучении школьниками белорусского языка и белорусской литературы.

Важным этапом в деле развертывания белорусизации на территории РСФСР стало Совещание по вопросам украинской и белорусской культурно-просветительной работы в РСФСР, состоявшееся в Москве 29–30 апреля 1925 г. по инициативе Совета по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР. После этого совещания, на котором была принята резолюция о том, что «перевод на материнский язык просветительной работы среди украинцев и белорусов в РСФСР является необходимым звеном в общей системе мероприятий по разрешению национального вопроса», заметно

активизировалась деятельность по созданию белорусских школ в Советской России и подготовке учителей для белорусских школ.

Именно краткосрочные педагогические курсы по подготовке учителей для белорусских школ, а также разработка и использование учебников на белорусском языке станут основным методом в деле белорусизации начального школьного образования.

К 1929/30 учебному году по сведениям, приведенным в книге З. Островского «Проблемы украинизации и белоруссизации в РСФСР», всего по РСФСР числилось 130 белорусских школ 1-й ступени, из них в бывшей Смоленской губернии – 40, в Ленинградской области – 18, бывшей Брянской губернии – 7, в Сибирском крае – 65. Белорусских школ повышенного типа было всего 5 (все в бывшей Смоленской губернии) и 1 белорусский техникум (Ленинградская область). Только к началу 1930-х гг. политика белорусизации школьного образования, да и то, главным образом в деле открытия белорусских школ I-й ступени, смогла достичь некоторых положительных результатов. Это касалось, прежде всего, территории Западной области – Смоленщины. Если в 1927/28 учебном году в Смоленской губернии числилось всего 36 белорусских школ I-й ступени и 4 школы повышенного типа, то к середине 1930-х гг. сеть белорусских школ насчитывала 84 начальных (8 190 учащихся) и 15 школ повышенного типа (2 000 учащихся).

Для подготовки и переподготовки учителей белорусских школ организовывались специальные курсы, как в Смоленской губернии (а затем в Западной области), так и в Минске. Руднянский белорусский педтехникум в 1932 г. обучал 165 учащихся; работники культуры и образования готовились на белорусских отделениях Смоленского педрабфака. Было открыто белорусское отделение при Соболево-Воробьевском педтехникуме.

Еще осенью 1928 г. в Москве прошел 1-й съезд белорусских работников просвещения. С 3 по 10 января 1931 г. в Москве проходила неделя Советской Белоруссии. Уже в 1931/32 учебном году появилась возможность на 100% перевести на белорусский язык начальную школу у

белорусов, проживавших в России. К этому времени она была полностью обеспечена учебниками на родном языке, все группы начальной школы. Говоря о высшей школе для белорусского населения РСФСР, следует иметь в виду, что к 1932 /33 учебному году функционировало уже 2 белорусских отделения – педрабфаки – в Смоленском и Томском пединститутах.

Но, несмотря на определенные успехи в деле белорусизации школьного образования, к середине 1930-х гг. большинство белорусов, проживавших в РСФСР, представляли собой сильно обрусевшее население: они говорили либо на русском, либо с более-менее значительной примесью белорусских слов. Документы того времени свидетельствуют, например, что в Западной области «белорусское население в большинстве относится к родному языку индифферентно». Соответственно качество знаний, полученных на белорусском языке, оставалось достаточно невысоким. Уровень грамотности на белорусском языке был низким.

После того, как в конце 1932 – начале 1933 г была прекращена политика украинизации в РСФСР, а все украинские школы были переведены на русский язык преподавания, стали закрываться и белорусские школы в РСФСР с формулировками: «ввиду того, что ряд белорусских школ фактически работает на русском языке», «вследствие отсутствия базы для их коренизации», «учитывая требования населения». В 1934 г. перед самым началом учебных занятий были переведены на русский язык преподавания некоторые школы Невельского, Руднянского и Гордеевского районов Западной области. Последние белорусские школы на Смоленщине были ликвидированы в 1938 г.

Д.А. Короткова (Москва)

Политика польских властей по отношению к белорусскому языку в образовании в межвоенный период

Доклад посвящен политике правящих кругов Польши в межвоенный период по отношению к школе и среднему образованию на белорусском

языке. В 1920-е гг. велись активные дискуссии о направлении развития школьного образования в польских регионах. Последовательно сменялись концепции национальной политики в сфере образования: от попыток национальной ассимиляции при сохранении оставшихся от предыдущего периода достаточно большого числа школ с белорусским языком обучения (1922–1925), государственной ассимиляции в достаточно гибкой системе утраквистической (двуязычной) школы, при одновременном сокращении возможностей выбора (1926–1932, после майского переворота 1926 г.), к целенаправленной унификации образования на всей территории страны независимо от национального состава населения. Польская политика в 1920-е гг. результатом своим имела не ассимиляцию белорусов, а их маргинализацию и изоляцию от польского социума. Ситуация на «кресах восточных» характеризовалась как «малая гражданская война». Попытки ряда политиков и экспертов, сочувствовавших левым идеям, и белорусских национальных течений, добиться автономии в вопросах языка и образования, успехом не увенчались.

После длительных дискуссий о направлении реформирования в 1932 г. была принята школьная реформа Януша Енджеевича. Ее целью была унификация образования на территории всей страны. Она способствовала окончательному упадку белорусского образования: многоступенчатость и высокая стоимость обучения закрывала белорусской молодежи дорогу к образованию. До этого белорусские частные школы имели относительную самостоятельность в учебно-воспитательной работе. Теперь они ставились под полный контроль Министерства вероисповедания и публичного просвещения. В середине – конце 1930-х гг. на белорусских территориях школы были практически полностью польскоязычными, белорусский язык преподавался как отдельный предмет только в пяти школах. Польские исследователи оценивали тогда политику полонизации как вполне успешную, крестьяне стали считать необходимым знание польского языка.

Несколько иначе дело обстояло только в некоторых местностях, где активно работала Товарищество белорусской школы, там белорусское самосознание развито сильнее. Проблема для польских властей усугублялась тем, что в этих деревнях с православным белорусским большинством до 50% жителей вообще не знало польского, в силу чего польская школа была для них бесполезна. Тем не менее, в 1938 г. на территории Польской республики не осталось ни одной белорусской школы. При этом белорусам не хватало и польских школ: в результате более 100 тыс. белорусских детей к осени 1939 г. вообще не имели возможности учиться. Таким образом, несмотря на сопротивление части белорусского населения, к 1939 г. политика властей привела к фактическому уничтожению белорусскоязычного образования на территории Польши.

А.А. Савич (Брест)

Конфликты вокруг белорусского языка между КПП и КПЗБ в 1920-е–1930-е гг.

В докладе уделено внимание исследованию положения белорусского языка как основного этноопределяющего фактора развития белорусского народа в составе межвоенной Польши и отношения к нему со стороны Компартии Польши (КПП) и являвшейся ее составной частью Компартии Западной Беларуси (КПЗБ). На основании широкого круга исторических источников, в том числе архивных документов, автор иллюстрирует неоднозначность языковой политики Польши как части ее национальной политики, выявляет позитивную роль белорусского языка в организации и укреплении коммунистического движения в Западной Беларуси. Очевидна двусмысленность отношения к белорусской культуре и языку со стороны компартии Польши, которая официально выступала защитником национально-культурных интересов белорусского населения, использовала белорусский язык и кадры для укрепления своих позиций. Одновременно с

этим КПП демонстрировало национальный шовинизм и эгоизм по отношению к белорусским национально-политическим приоритетам, опасаясь усиления белорусского фактора в политической жизни и утрате своего влияния в крае. Вследствие этого руководство компартии Польши негласно прибегало к ограничению присутствия белорусского языка в коммунистическом движении Западной Беларуси, чинило препятствия для устройства подпольного белорусского печатного дела, ограничивало создание и распространение белорусской коммунистической литературы, содействуя ослаблению борьбы за интересы белорусского народа в Польше.